

Н. М. Карамзина, тексты повестей *орфографически* однородны и по этим признакам датируются концом XVI — серединой XVII века.

Спасо-Ярославский сборник был одной из шести исторических книг — пяти хронографов и одной степенной, которые на протяжении всего XVIII века хранились в Ростовском Архиепископском доме (РАД). Их описи за 1791 и 1792 годы были исследованы и опубликованы Л. А. Дмитриевым, который обосновал перспективную гипотезу о ростовском происхождении мусин-пушкинского сборника со «Словом».³⁵ Но это тема отдельной статьи.

³⁵ *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве — памятник XII века. С. 406—429.

© С. А. Фомичев

УТОЧНЕННЫЕ ПУШКИНСКИЕ ТЕКСТЫ

(ИЗ МАТЕРИАЛОВ НОВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
А. С. ПУШКИНА)

Проследивая историю изданий сочинений Пушкина, мы замечаем, как постепенно уточнялись его тексты, — особенно почерпнутые из черновики. К сожалению, далеко не всегда при этом давались исчерпывающие объяснения. Как известно, предъюбилейная суета сыграла роковую роль в отношении академического Полного собрания сочинений поэта (1937—1949).¹ Его готовили великолепные пушкинисты: С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер (Цявловская), Н. В. Измайлов, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и др., — которые проделали колоссальную работу по фронтальной проверке всего массива пушкинских текстов. Но обоснований (иногда гипотетических) текстов в этом издании нет: по повелению так называемых директивных органов оно было лишено комментариев (за исключением кратчайших справок об источниках текстов). Лишь отчасти результаты текстологических изысканий изложены в статьях пушкинистов.²

Продельвая по необходимости заново весь путь исследования каждого пушкинского текста в процессе подготовки нового академического издания, мы иногда приходим к новым выводам и результатам.

Приведем на этот счет (пока предварительно) лишь один характерный пример. В Большом академическом издании мы находим такое стихотворение:

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы, —
Не веселее [ль] вам читать
Игривой Музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы —
Иль усыпительный журнал,
Который [был когда-то в моде],
[А нынче] [так тяжел и груб,] —
[Который] [вопреки природе]
Быть хочет зол, а только глуп.

(II, 198)

¹ Далее ссылки на это издание даются в тексте (том, страница).

² См.: *Бонди С.* Новые страницы Пушкина. М., 1931; *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей // Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2; *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962.

В Малом академическом издании под редакцией Б. В. Томашевского последнее четверостишие этого стихотворения напечатано иначе:

Который ввек не зная цели,
Усердно так тяжел и груб
И ровно кажды две недели
Быть хочет зол, а только глуп.³

Обратимся к единственному источнику этого текста, к л. 23 Первой кишиневской тетради (ПД 831).⁴ Здесь набело с не дошедшего до нас черновика Пушкин первоначально записал:

Примите новую тетрадь,
Красавицы, мои царицы —
Не правда ль легче вам читать
Мои простые небылицы
Чем пиндарических похвал
Непостижимые страницы —
Иль усыпительный журнал
Который был когда-то в моде
А нынче так тяжел и груб —
Который вопреки природе
Быть хочет зол, а только глуп — 5

Позже некоторые строки первоначального беловика были подвергнуты поэтом правке. Становится очевидным, что Т. Г. Зенгер сконтаминировала строки первой и второй редакций (что нельзя признать корректным решением), а Б. В. Томашевский совершенно обоснованно напечатал стихотворение в полном соответствии с последней авторской волей — по верхнему слою автографа. Однако при этом он объединил данное произведение с другим — «О вы, которые любили...», черновик которого записан на той же странице тетради через отчеркивание. В этом отношении, на наш взгляд, Т. Г. Зенгер права, когда трактует текст «О вы, которые любили...» как самостоятельный.⁶

Ниже мы обосновываем новые трактовки пушкинских текстов. Любознательный читатель может проверить наши решения, обратившись к факсимильному изданию рабочих тетрадей поэта, которое выпускается Пушкинским Домом и Форумом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского. Экземпляры этого издания переданы в дар крупнейшим библиотекам Москвы и С.-Петербурга, а также Нижнего Новгорода, Киева, Одессы, Кишинева, Алма-Аты. Имеются они и во всех пушкинских музеях.

«Кто видел край, где роскошью природы...»

Работа над октавами, отражающими крымские впечатления поэта, была начата в Записной книжке (ПД 830) в конце 1820 года. Очевидно, в начале 1821 года на отдельном листке (ПД 37) Пушкин набело переписал стихотворение (частично с не дошедшего до нас черновика) в составе шести строф. Этот беловик был

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1977. Т. 2. С. 88 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

⁴ Т. е. Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 831.

⁵ Автографы Пушкина воспроизводятся с соблюдением авторской пунктуации. Заметим также, что в Большом академическом издании как здесь, так и во многих других подобных случаях в отделе «Другие редакции и варианты» не воспроизводятся целиком рукописные редакции произведений. В новом академическом издании корпус редакций будет значительно расширен.

⁶ Б. В. Томашевский относил оба текста к поэме «Гавриилиада», однако стихотворение «Примите новую тетрадь...» имело в виду поэму «Кавказский пленник», переписанную набело на предыдущих страницах ПД 831, а также критические отклики на первую поэму («Руслан и Людмила»), появившиеся в 1821 году в журналах «Сын отечества» и «Вестник Европы».

подвергнут авторской правке — в частности, при этом вычеркнуты третья и пятая строфы. Однако они были сохранены В. А. Жуковским при первой публикации стихотворения (под редакторским заглавием «Желание») в Посмертном собрании сочинений Пушкина. В составе шести октав, по верхнему слою автографа ПД 37, стихотворение и печаталось более или менее точно в дореволюционных изданиях сочинений поэта.

Текст Пушкина — в полном соответствии с окончательной правкой в автографе ПД 37 — был восстановлен Б. В. Томашевским уже в первом издании сочинений поэта (Л., 1924, с. VIII—IX).⁷ Позже С. М. Бонди пришел к несколько иному текстологическому решению. За основу текста крымских октав он принял беловой, с обильной правкой автограф стихотворения, содержащийся в Первой кишиневской тетради (ПД 831, л. 25—25, об.). Здесь поэтом была несколько переработана вторая редакция произведения, соответствующая верхнему слою автографа ПД 37. В частности, Пушкин в ПД 831 вычеркнул последнюю строфу в ее новой, третьей редакции. Очевидно, поэтому С. М. Бонди четвертую строфу представил по верхнему слою автографа ПД 37, совместив в дефинитивном тексте части третьей (первые три строфы) и второй (четвертая строфа) редакций.

Такое решение представляется спорным.

Дело в том, что, вычеркнув октаву «Приду ли вновь, поклонник Муз и мира...» на л. 25, об. Первой кишиневской тетради, Пушкин здесь вовсе не закончил работу над стихотворением, а продолжил ее на следующей странице, записав сперва набело (вероятно, с предварительного черновика) четыре строки:

Когда луны восходит лик двурогой
И луч ея *(нрзб)* серебит
И с путником приморскою дорогой
Привычный конь над безднами бежит — — —

Строки эти подвергаются переработке, а далее переходят в довольно сложный черновик, верхний слой которого дает вполне законченный текст, по-новому (по сравнению с автографом ПД 37) исчерпывающий тему крымских воспоминаний поэта.⁸

Обратим внимание и еще на одну деталь текста стихотворения. На л. 25 тетради ПД 831 кода первой строфы —

Скажите мне — кто видел край прелестной
Где я любил изгнанник неизвестной —

Пушкиным вычеркнута. Новую, окончательную редакцию этих строк мы находим на л. 39, об.⁹ — ее и следует включать в дефинитивный текст стихотворения:

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,

⁷ Как здесь, так и в пяти последующих изданиях однотомника стихотворение «Кто видел край...» было напечатано Б. В. Томашевским не в основном корпусе сочинений, а во вступительной статье.

⁸ В последней редакции стихотворение дает обобщенную картину Крыма (Бахчисарай, могила Митридата в Керчи, Аю-Даг — «утеса склон отлогой»), описывая один крымский день с утра до ночи, т. е., по сути, в предельно концентрированном виде «повторяя» сюжет поэмы С. С. Боброва «Таврида» (1798), которую несколько позже Пушкин внимательно перечитывал при работе над «Бахчисарайским фонтаном». Прямая переключка с этой поэмой крымских октав и послужила причиной отказа Пушкина от публикации (и даже перебеливания окончательной редакции) стихотворения «Кто видел край...».

⁹ Ниже этого двуступища (после отчерка) идет сводка не дошедшего целиком черновика стихотворения «Дионея». Т. е. данная страница использовалась для доработки написанных ранее стихотворений. Первые наброски «Бахчисарайского фонтана» (характерно, что начат он был тоже пятистопными ямбами) появятся лишь на л. 48, об. тетради ПД 831.

Где на холмы под лавровые своды
 Не смеют лечь угрюмые снега?
 Там некогда, [мечтаньем упоенный],
 Я посетил дворец уединенный.

Златой предел! Любимый край Эльвины,
 К тебе летят желания мои!
 Я помню скал прибрежные стремнины,
 Я помню вод веселые струи
 И тень и шум — и красные долины,
 Где [в тишине] простых татар семьи
 Среди забот и с дружбою взаимной
 Под кровлею живут гостеприимной.

Все живо там, все там очей отрада:
 Сады татар, селенья, города, —
 Отражена волнами скал громада
 [В]морск(ой) дали теряются суда,
 Янтарь висит на лозах винограда,
 В лугах шумят бродящие стада...
 И зрит [пловец] — могила Митридата
 Озарена сиянием заката.

Когда луны сияет лик двурогой
 И луч ее во мраке серебрит
 Немой залив, утеса [склон] отлогой
 И берега, где темный лес шумит,
 И с седоком приморскою дорогой
 Привычный конь над безднами бежит...
 И в темноте, как призрак [безо(бразный)],
 Стоит вельблюд, [вкушая] отдых праздный...

⟨«Эллеферия»⟩

На л. 34 Первой кишиневской тетради содержится крайне сложный черновик стихотворения, в Большом академическом издании воспроизведенного так:

Эллеферия, пред тобой
 Затми(лись) прелести другие
 Горю тобой, я (?) [вечно] [твой],
 Я твой на век, Эллеферия!

(Тебя) пугает света шум
 Придворный блеск неприятен;
 Люблю твой пылкий, правый (?) ум,
 И сердцу голос твой понятен.

На юге, в мирной темноте
 Живи со мной, Эллеферия
 Твоей красоте
 Вредна холодная Россия.

(II, 197)

Б. В. Томашевский несколько иначе прочел второе четверостишие:

Ее пугает света шум,
 Придворный блеск ей неприятен;
 Люблю в ней пылкий, правый ум
 И сердцу глас ее понятен.

(II, 86)

Проверяя корректность таких чтений, проследим процесс заполнения данной страницы рукописи.

Вверху л. 34 записано окончание черновой рукописи другого стихотворения, позже получившего название «Дионея». Работу же над новым произведением, чуть отступя вниз, Пушкин начал со строк:

Люблю [в ней] твой [резвый] гордый ум —
И [голос] сердцу внятн.

Строфа сразу не складывается, и Пушкин по обыкновению начинает рисовать: набрасывает два женских профиля и, перекрывая их, — бегущую лошадь. Последний рисунок не закончен, потому что в уме уже сложился набросок другой строфы, который записывается справа от рисунка:

[Твою] Твоей красоте
Вредна холодная Россия
[Привыкнешь там]

Снова наступает заминка, и по всему полю страницы, ниже записанных только что строк, рисуется серия мужских и женских портретов. Следующее по времени работы четверостишие записывается внизу страницы, под портретами, несколько позже, когда уже оборотная ее сторона была заполнена (проступившие оттуда чернила Пушкин старательно обходит). Строфа же после ряда переделок слагается так:

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, [дышу]¹⁰ тобой,
Я твой навек, Эллеферия!

Под ней ставится черта (очевидно, знак концовки), а ниже сделана попытка обработать тему первой из появившихся на этой странице строф:

Пускай иных пленяет (*нрзб*)
Придворный блеск, драгие
И ласки муз, и света шум
Милее мне Эллеферия

Строфа, впрочем, Пушкина не удовлетворяет и перечеркивается крест-накрест. Дальнейшую работу над ней он опять предпринимает наверху, над рисунками, слева, все более вторгаясь в массив строк стихотворения «Дионея». Только после этого на оставшемся справа свободном поле он надписывает две первые строки намеченного здесь ранее четверостишия о «холодной России». Под ним ставится скобка (знак вставки некоего текста — очевидно, строфы, записанной здесь же слева, с которой начиналась работа над стихотворением).

Все стихотворение теперь звучит так:

(*Эллеферия*)¹¹

На юге, в мирной темноте,
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей [слеп(ящей)]¹² красоте
Вредна холодная Россия.

¹⁰ «Горю», «дышу» ранее были прописаны в зачеркнутых вариантах. Поэтому, заново написав «Горю тобой», Пушкин дальше ставит прочерк (обычное обозначение ясного для него слова).

¹¹ В черновике никакого заголовка нет, но, думается, в данном случае он самоочевиден. Заметим кстати, что в Записной книжке ПД 830 на корешке вырванного (после л. 39) листа (где были, видимо, дневниковые записи — см. их продолжение на л. 40) сохранилось со знаком вставки слово «еллеферия» (калька греческого «свобода»).

¹² Ниже скобки под строфой имеется несколько вариантов, заполняющих лакуну в этой строке: «[манящей] (*нрзб*) [слепа(щей)]».

Ея страшит придворный шум,
Столичный [блеск] ей неприятен.
Люблю твой пылкий, гордый ум,
И сердцу голос т(вой)¹³ понятен.

Эллеферия, пред тобой,
Затмилась прелести другие.
Горю тобой, [дышу] тобой,
Я твой навек, Эллеферия!

По сути дела, это любовный мадригал, обращенный к гречанке, но напитанный переживаниями за судьбу Греции, ведущей борьбу за свободу.

(«Вяземскому»)

Послание Вяземскому в собраниях сочинений Пушкина печатается по беловому автографу (с поправками) в тетради ПД 831 (л. 36):

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском [колких слов], и шутками богатый,
Счастливый В(яземский), завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над Злобою ревнивой,
Невежество разить Анафемой иривой — —

(см. II, 196)

Далее следовала еще зачеркнутая строка:

И во услышанье мидасовым (?) ушам, —

а ниже на этой странице зарисовка мужского профиля с ослиным ухом и экзотические по теме рисунки, относящиеся, возможно, к произведению, вчерне начатому на л. 34, об. — 35, об. (вольному переводу сказки Сенесе «Каймак» — «Недавно бедный музульман...»).

Что касается послания, то здесь оно только начато: два тире в конце шестой строки, черновой вариант следующей, отсутствие знака концовки — все свидетельствует о том, что Пушкин не мыслил этот текст как законченный. Он только начал перебеливать черновик, который ныне хранится под отдельным архивным номером ПД 38, но когда-то находился в составе той же Первой кишиневской тетради, очевидно, непосредственно перед нынешним л. 36.¹⁴

В отделе «Другие редакции и варианты» Большого академического издания этот черновик охарактеризован как «лишь отрывки, не всегда согласованные между собой» (см.: II, 680, примеч. 4).

Однако, работая над черновиками, Пушкин был нередко не всегда строго последователен в композиции стихотворения, делал заготовки впрок или же возвращался к ранее записанным строкам, оставляя по ходу пометы, которые должны были ему помочь собрать позже воедино черновой текст.

В данном же случае избранный для послания александрийский стих с непрерывным чередованием парных женских и мужских рифмовок помогает достаточно отчетливо проследить общую логику складывающегося отдельными импульсами текста.

¹³ «Голос т(вой)» — эти слова (второе из них только начато) записаны очень мелко над рисунками.

¹⁴ На лицевой стороне листа ПД 38 (сорт бумаги совпадает с тетрадью ПД 831), в положении тетради корешком вверх, — портрет героини сказки «Каймак» (с распущенными волосами); на обороте (в прямом положении тетради) зарисован со спины бредущий герой — на втором из этих рисунков из-за торбы с каймаком видна только островерхая шляпа с полями.

Записав и отработав первые три стиха, Пушкин отчеркивает их и записывает пришедшее на ум двустишие (явную заготовку впрок):

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хво(стову) ты дурак — а Струдзе ты подлец.

Подчеркнув двустишие, Пушкин продолжил работу над стихами 4—6, после чего записывает еще одну заготовку:

А шутку не могу придумать я другую
Как только отослать его Толст(ому) к (— — —)

Снова отчеркивание (знак опережающего вкрапления в складывающийся текст) и продолжение, идущее непосредственно вслед за 6-м стихом. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствует и помета, поставленная после нового шестистишия:

А шут(ку) —

и прочерк, т. е. знак того, что сюда нужно вставить записанное выше двустишие о Толстом (конечно же, о Толстом Американце).

Ниже еще записывается неясная помета:

Комар... (нрзб)

Возможно, так обозначен другой, цензурный вариант двустишия о Толстом, записанный где-то в другом месте и до нас не дошедший. Вскоре работа переходит на оборот листа. Первоначально отработанное здесь восьмистишие продолжало рассказ от первого лица («Когда б еще я был...» и пр.), но позже Пушкин попытался ввести в послание еще один (наряду с Климом и Фирсом) условный персонаж, однако доработка эта не была доведена до конца. Поэтому в дефинитивном тексте послания целесообразно использовать первоначальную редакцию данного фрагмента, вполне сложившуюся, осмысленную.¹⁵

После восьмой строки фрагмента («Браниться жажду я — рука моя с(в)ербит») ставится черта и записываются две несрифмованные строки:

Едва игривый ум твой поймет звуки
Он рифму грозную невольно затвердит.

Рифмующаяся с последней из них строка записана позже здесь же (отчасти карандашом):

И память темное прозвание затвердит, —

последнее слово тут явно записано ошибочно (тавтологическая рифма невозможна у Пушкина), что позволяет ввести конъектуру: «повторит». Первая же строка намеченного четверостишия обрабатывается внизу страницы, развернутой поперек.¹⁶

Таким образом, текст послания по черновому автографу выстраивается достаточно уверенно:

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
Умом и смелостью, и шутками богатый,

¹⁵ Может показаться, что в данном случае мы вступаем в противоречие с высказанными выше соображениями о некорректности контаминации в одном дефинитивном тексте разных редакций произведения. Но в случаях со стихотворениями «Примите новую тетрадь» и «Кто видел край...» обе редакции имеют законченный характер, здесь же верхний слой автографа не дает связанного текста и потому, на наш взгляд, неотработанную, хотя и более позднюю редакцию фрагмента следует отнести в отдел вариантов (с соответствующими указаниями на этот счет).

¹⁶ Здесь же набросан план продолжения стихотворения и фрагменты отдельных строк, не слагающихся в связный текст. Двустишие о Хвостове и Струдзе также оказалось неотребо-ванным.

Счастливый В(яземский), завидую тебе:
 Ты право получил, благодаря судьбе,
 Смеяться весело над глупостью ревнивой,
 Невежество казнить Анафемой игривой.
 Клим пошлою меня щекотит остротой.
 Кто Фирс? Ничтожный шут, красавец молодой,
 Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
 Толстому верный друг по греческой методе.
 Ну можно ль комара [тотчас] не раздавить
 И в грязь словом одним глупца не превратить?
 А шутку не могу придумать я другую,
 Как только отослать его Толсто(му) к (— — —).
 Так точно трусивший буян обиняком
 Решит в харчевне спор надежным кулаком.
 [Жогда б еще я был] рифмач миролюбивый,
 [Никем не знаемый], покорный, [молчаливый],
 Как добрый Шаликов, хвалебник записной],
 Довольный изредка журнальной похвалой,
 Невинный фабулист или смиренный лирик,
 [Но Феб во гневе] мне промолвил: будь сатирик.
 [С тех пор бесплодный жар в груди моей] горит:
 Браниться жажду я, рука моя с(в)ербит.
 Будь мне наставником в насмешливой науке.
 Едва игривый ум твой поймает звуки,
 Он рифму грозную невольно затвердит
 И память темное прозвание (повторит)...

«Царское Село»

Автограф стихотворения «Царское Село» находился на последней странице рабочей тетради поэта, получившей ныне название Лицейской (ПД 829). При подготовке Посмертного собрания сочинений Пушкина (1838—1841) лист этот был В. А. Жуковским из тетради вырван, а впоследствии его сыном передан известному коллекционеру А. Ф. Онегину, основателю Пушкинского музея в Париже. В. А. Жуковский стихотворения не опубликовал, не сумев разобраться в довольно сложной рукописи. Впервые, по фотокопии, текст был напечатан почти одновременно дважды: М. Л. Гофманом — в Гельсингфорсе (в газете «Путь», 1921, № 199) и П. Е. Щеголевым — в Петрограде (в «Летописи Дома литераторов», 1921, № 2). Оба пушкиниста полагали, что произведение состоит из двух строф (в нашей трактовке — второй и третьей). Позже, давая транскрипцию черновика в описании пушкинских автографов из коллекции А. Ф. Онегина, М. Л. Гофман попытался расшифровать еще несколько строк, которые в рукописи записаны между этими строфами, но не мог дать их связной редакции.¹⁷ Они были прочитаны при подготовке первого советского Полного собрания сочинений Пушкина (1931). С тех пор стихотворение печатается в том порядке строф, в каком они расположены в автографе.

Соблюдена ли при этом авторская воля?

Проследим поэтапно ход работы над произведением.

Вначале, вверху листа, перемаранный черновик содержал такую редакцию (выписываем только не зачеркнутые Пушкиным слова):

Хранитель милых чувств и прежних наслаждений
 Приди, певцу дубрав давно знакомый Гений — —
 Воспоминание воспрянь тишине
 В унылой прелести явись ныне мне — —

¹⁷ См.: Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. М.; Пг., 1923. С. 5—6.

где я любил, где чувство развивалось
 Где с первой юностью младенчество сливалось
 Где знал поэзию веселость и покоем
 Рисуи мне те где я любил
 Печали милой друг и глаз очарованье
 Явись зову в изгнанье

Эти, до конца не отработанные строки отчеркнуты ниже скобкой и подписаны: «Александр Пушкин».

Ниже текст переработан; в конце новой редакции, в частности, появились строки:

Перенеси меня на холмы мной любимы
 На берег ивами тенистыми хранимый
 Да вновь увижу я прелестные картины
 И стаи гордые спокойных лебедей.

По сути дела, здесь намечена программа концовки стихотворения, и потому, хотя строфа еще не вполне сложилась, она не зачеркивается, а отчеркивается от предыдущих строк чертой, идущей почти через всю страницу. Сбоку, справа, ставится подпись: «Кошанский» (фамилия эта в черновиках поэта появлялась неоднократно как воспоминание о лицейском профессоре, следившем за стихотворными опытами своих воспитанников).

Еще ниже, отступив вправо (что само по себе свидетельствовало о том, что намечалась вставка в записанный выше текст), Пушкин пытается наметить строки, контрастирующие с запечатленной идиллией. Перемаранный черновик дает не вполне прописанное шестистишие:

Другой презрев покой живую тишину
 Быть может Героев и войну
 Не мне завидовать величавы
 Царска Села прекрасные
 безвестной лиры друг
 Отныне посвятил ваш верный друг
 И песни мирные и сладостный досуг

Доработка трех первых из этих строк производится рядом, на оставшемся свободном левом поле; здесь незачеркнутыми остались следующие слова:

Я скромно возлюбил
 И чуждый призраку пленительныя
 блистатель(ныя) славы
 Другой пускай поет и войну.

Вполне очевидно, что эти намеченные строки следует выстроить в порядке, намеченном справа, сконтаминировав все шестистишие (отбросив «лишние» слова).

Под шестистишием ставится черта, а над ним — две пары перекрещивающихся черточек (очевидно, знак вставки), и работа продолжена дальше — теперь над строфой, которая была ранее намечена (с эффектным упоминанием под занавес о царскосельских лебедях).

Куда надлежит вставить строфу «Другой пускай поет Героев и войну...»? Вторая редакция стихотворения «разрезается» двумя продольными длинными чертами: над и под строфой «Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений...». Ее непосредственным продолжением служит строфа нижняя в автографе («Веди, веди меня под липовые сени...», т. е. воспоминание — веди). Следовательно, первая продольная черта обозначила строфу «Другой пускай поет Героев и войну...».

Но и это еще не все.

Над второй редакцией надписывается заглавие: «Царское Село». Оно — под-

черкивается. Так как это заглавие отчасти закрывает верхнюю продольную черту, под ним ставятся три тире (опять же — знак вставки). В правом же верхнем поле страницы набрасываются три неполных строки. Они не вполне расшифрованы в Большом академическом издании и отнесены там в отдел вариантов (см.: II, 799). Почему? Ведь строки в рукописи не зачеркнуты. По месту своему они означают начало всего стихотворения.¹⁸

И последний штрих. Записав эти строки, Пушкин заметил закрашившуюся в текст тавтологию: «славу *прошлых* лет» и «Хранитель милых чувств и *прошлых* наслаждений» — и внес исправление (тот же размашистый почерк!): «прежних наслаждений». И хотя это исправление сделано в первой редакции стихотворения, а во второй не повторено, допустимо в дефинитивный текст внести слово «прежний», так как это, несомненно, последний след работы Пушкина над стихотворением. Оно не переделано, так как слишком отзывалось лицейскими опытами (недаром Пушкин вспоминал Кошанского), не годилось для публикации. Но для себя, вчерне, поэт произведение вполне выстроил:

Царское Село

...Хранят

Садами пышными венчаные долины
И славу прошлых дней, и дух Екатерины.
Другой пускай поет Героев и войну —
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку блистатель(ных) славы,
Вам, Царск(ого)¹⁹ Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестной лиры друг
И песни мирные, и сладостный досуг.

Хранитель милых чувств и прежних наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно [знакомый] Гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где сердце развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось! —
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой. —

Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом [озере] средь блещущих зыбей
Станицу гордую спокойных лебедей.²⁰

Когда было написано стихотворение?

Мы разделяем мнение тех пушкинистов, которые считают, что концовка первоначального черновика: «...тебя зову в печальное изгнанье», — определенно и недвусмысленно свидетельствует о том, что работа над ним шла в годы пушкинской ссылки.²¹ Само слово «изгнанье» в поэтическом языке Пушкина появляется

¹⁸ Подобный зачин (неполной строкой) Пушкин иногда использовал, — например, в стихотворении 1821 года «Гроб юноши» и в более поздних — «Он между нами жил...» и «Вновь я посетил...».

¹⁹ В рукописи как рудимент отброшенного варианта осталось: «Царска Села».

²⁰ Буква «д» в этом слове записана с лихим росчерком внизу, обозначающим, несомненно, знак концовки всего стихотворения.

²¹ Б. В. Томашевский, считая это слово отвлеченным поэтизмом, датировал стихотворе-

не раньше 1821 года: «изгнанник самовольный» («К Овидию»), «В изгнание скучном» («Из письма к Я. Н. Толстому»), «в моем изгнание» («Ф. Н. Глинке») и пр.

В Большом академическом издании стихотворение помещено под 1823 годом, так как предполагалось, что Лицейскую тетрадь (ПД 829) привез поэту в Кишинев И. Л. Липранди не ранее июля 1822 года (на основании глухого свидетельства последнего, что он привез какую-то тетрадь).²² Однако, как выясняется, уже в начале 1821 года тетрадь ПД 829 была в распоряжении поэта.

Вывод этот основывается на изучении творческой истории стихотворения «Элегия» («Воспоминанием смущенный...»).

Второй черновой автограф его, под названием «К Кагульскому памятнику. 1819. 30 mars»²³ записан на л. 91, об. Лицейской тетради:

Победы памятник надменный
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой
Воспомянем оживленный — — —
Не стыд (турецкого) Султана
Не Задунайский Великан
[Тревожит]

Стихотворение это обычно помещается среди произведений Пушкина 1819 года. Но дата в заголовке у Пушкина всегда означала не время создания стихотворения, а памятный день, которому оно посвящено, — в данном случае Вербному воскресению 1819 года. Доказано, что в несколько измененной редакции это стихотворение было переписано набело в Третьей кишиневской тетради (ПД 833) 12 апреля 1821 года.²⁴ Конечно, Пушкин мог переписать элгию и по памяти или с третьего черновика, нам ныне неизвестного. Однако нельзя не заметить сходства палеографических признаков стихотворений «Царское Село» и «К Кагульскому памятнику». В Лицейской тетради они были разделены лишь одним, к тому времени заполненным листом (л. 92), оба они написаны сходным почерком и — главное — в положении тетради верхом вниз.²⁵ Над черновиком второго стихотворения — рисунок: голова лебеда (ср. заключительную строку «Царского Села»). И в содержании элегии — тот же ход (ср.: «Другой пускай поет Героев и войну...»).

Мы представили уточненные редакции четырех стихотворений Пушкина и будем искренно благодарны тем читателям, которые укажут слабые места наших аргументаций. Следует только иметь в виду, что выводы наши основаны не только на анализе указанных автографов, а на изучении всего массива рабочих тетрадей Пушкина. В связи с этим выявлена одна важная закономерность пушкинских черновиков: длинная (от края до края страницы) линия и широкая скобка,²⁶ охватывающая текст снизу (как и скобка сбоку), обычно указывают на запланированные поэтом вставки и перемещения кусков текста. Это наблюдение пригодится и в будущих текстологических разысканиях.

ниже первыми послелицейскими годами. Сводку мнений о датировке стихотворения см. в кн.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд. Л., 1991. С. 142, 318, 666.

²² См.: Там же. С. 318.

²³ Первый черновой набросок стихотворения мы находим на л. 69 тетради ПД 829.

²⁴ См.: *Иезутова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД 833. История заполнения // Пушкин. Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. XV. С. 237, 246.

²⁵ В Лицейской тетради, кроме этих двух стихотворений, в таком положении записан романс Ж. П. Гара «Je t'amie tant» (л. 42, об.) и нечто на обороте л. 63а, от которого остался лишь корешок. Следует заметить, что практика заполнения рабочих тетрадей с двух сторон (с конца — в перевернутом положении) установилась у Пушкина лишь со Второй кишиневской тетради (ПД 832). В заведенных до нее тетрадях ПД 830 и 831 такого рода записей нет. И еще одно: перенумерация черновой редакции элегии «К Кагульскому памятнику» неизбежно ведет и к перенумерации записанного на той же странице стихотворения «Все призрак, суета...».

²⁶ Маленькая же скобка внизу текста в пушкинских рукописях выполняла знак окончания.

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

1996

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ю. В. Стенин. Роль Екатерины II в развитии русской литературы XVIII века	3
Н. Е. Мясоедова. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина	21
О. Б. Заславский (Украина). Проблема милости в «Капитанской дочке»	41
А. А. Фомушкин. Язык эмоций персонажей М. А. Шолохова и Ф. Д. Крюкова (к проблеме авторства «Тихого Дона»)	53
Ф. Р. Балонов. «Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной...» (мнимый антихрист у Льва Толстого и Михаила Булгакова)	77

Алиция Романович (Италия). Проблема жизни и смерти в «Освобождении Толстого» Бунина	93
Клер Ошар (Франция). «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина	101
Криста Эберт (Германия). Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни»	106
С. Ю. Ясенский. Пассеизм Бунина как эстетическая проблема	111

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Б. И. Яценко (Украина). Димитрий Ростовский и «Слово о полку Игореве»	117
С. А. Фомичев. Уточненные пушкинские тексты (из материалов нового академического полного собрания сочинений А. С. Пушкина)	122
Из истории публикации «Воспоминаний» Б. А. Энгельгардта: по переписке автора (публикация А. Д. Мальцева)	133